

DOI 10.15826/qr.2020.1.462
УДК 325.2(470:497.2)+325.254.4+314.01

РУССКАЯ ДИАСПОРА В БОЛГАРИИ: ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА МИГРАНТОВ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА*

Валентин Хрисанфов
Наталья Турыгина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

THE RUSSIAN DIASPORA IN BULGARIA: ISSUES OF MIGRATION REGISTRATION IN THE INTERWAR PERIOD**

Valentin Khrisanfov
Natalia Turygina

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article is a historiographical review of the recent Bulgarian historical literature regarding estimates of the number of Russian emigrants in Bulgaria between the 1920s and 1930s. Figures mentioned by contemporary researchers D. Daskalov, L. Spasov, Ts. Keseva, M. Jovanovic, and P. Peykovska estimate that there were from 20,000 to 50,000 Russian migrants in Bulgaria in 1922–1923. In order to explain this discrepancy, the authors of the article analyse different types of sources, i. e. official reports of the Bulgarian authorities, reports of the Office for Russian Refugees under the League of Nations, émigré periodicals, statistical yearbooks, and censuses. Due to the lack of registration of Russian refugees arriving in the country and the interest of different parties in exaggerating the magnitude of the process, working with statistics and censuses seems to be the most promising approach in the study of migration not only in Bulgaria but also in any other country with a Russian diaspora. According to the authors of

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ (проект №19-78-00085 «Русская эмиграция между “старой” и “новой” родиной в условиях Второй мировой войны: проблемы идентичности и патриотизма»).

** *Citation*: Khrisanfov, V., Turygina, N. (2020). The Russian Diaspora in Bulgaria: Issues of Migration Registration in the Interwar Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 283–294. DOI 10.15826/qr.2020.1.462.

Цитирование: Khrisanfov V., Turygina N. The Russian Diaspora in Bulgaria: Issues of Migration Registration in the Interwar Period // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 283–294. DOI 10.15826/qr.2020.1.462 / Хрисанфов В., Турыгина Н. Русская диаспора в Болгарии: проблемы учета мигрантов межвоенного периода // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 283–294. DOI 10.15826/qr.2020.1.462.

this brief review, this approach to the analysis of population movement will help correct the thesis of the multi-million Russian diaspora of the interwar period, which is established both in Russian and foreign historiography.

Keywords: Russian emigration in Bulgaria; refugees; Russia abroad; population census; Ts. Keseva; D. Daskalov; M. Jovanovic; P. Peykovska.

Представлен историографический обзор новейшей болгарской исторической литературы по вопросу численности русской эмиграции в Болгарии в 1920–1930-е гг. Сопоставлены выводы современных авторов Д. Даскалова, Л. Спасова, Ц. Кёсева, М. Йовановича, П. Пейковской. Ученые приводят цифры в диапазоне от 20 до 50 тыс. чел. для количественной оценки российской эмиграции в 1922–1923 гг. Для выявления причин разброса проанализированы основные типы источников: официальные сообщения болгарских властей, отчеты Управления по делам русских беженцев при Лиге Наций, эмигрантская периодическая печать, статистические ежегодники и переписи населения. Ввиду запутанности системы регистрации прибывавших русских беженцев и заинтересованности разных сторон в преувеличении масштабов данного процесса, работа со статистическими данными и переписями населения представляется наиболее перспективной для изучения миграции населения не только в Болгарии. Такой подход при анализе движения населения в мире позволит скорректировать утвердившийся как в отечественной, так и в зарубежной историографии тезис о многомиллионной русской диаспоре межвоенного периода.

Ключевые слова: русская эмиграция в Болгарии; беженцы; русское зарубежье; перепись населения; Ц. Кёсева; Д. Даскалов; М. Йованович; П. Пейковска.

История российской эмиграции 1917–1920 гг. – одна из наиболее интенсивно разрабатываемых проблем в отечественной и зарубежной историографии конца XX – начала XXI в. В Европе большое число российских эмигрантов приняли Германия, Франция, Турция, а также Балканские страны, в том числе Болгария. Среди многочисленных исследовательских направлений в изучении русской эмиграции в Болгарии² ключевым для ее характеристики остается вопрос о численности диаспоры. В современной болгарской историографии разброс масштабов

² Краткий перечень: правовой статус и адаптация русских эмигрантов [Даскалов, 1997; Кьосева, 2002; Кёсева]; врангелевская армия и ее участие в политической и экономической жизни страны (прежде всего ее роль в заговоре против земледельческого правительства в июне 1923 г.) [Спасов, 1999; Спасов, 2008]; организации русских эмигрантов в разные периоды [Кьосева, 1999; Рожков]; судьбы творческой интеллигенции из России [«Погасло дневное светило...»; Кьосева, 1996; Каназирска; Дертлиева-Киселиновска; Михнева, Грозев, Рупчева]; судьбы научной эмиграции из России [Петров, Чакъров; Велева, 1998; Велева, 2004]; Русская православная церковь за рубежом и ее положение и деятельность в Болгарии [Димитров; Любенова]; периодическая печать и издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии [Даскалов, 1996; Периодика на руската емиграция в Болгария]; русское зарубежье в Болгарии в период социализма [Илиев, Стоянова; Кёсева]; портрет современной русской эмиграции [Ходкевич; Рожков, Минкова].

русской эмиграции колеблется от 20 до 50 тыс. чел., что неизбежно вызывает вопрос об источниках этих сведений и степени доверия к ним.

Большинство авторов как социалистического, так и постсоциалистического периодов говорят о сложности определения численности русских беженцев, так как их регистрировали разные организации и процесс урегулирования их правового статуса проходил сложно [Панайотов, с. 39; Кёсева, с. 56], поэтому большинство подсчетов и выводов основывается на косвенных данных и сопоставлении разных источников.

Одну из первых попыток подсчитать русских эмигрантов в Болгарии предпринял П. Панайотов, который использовал постановления Совета министров Болгарии. Он отметил, что около 33 тыс. белоэмигрантов получили разрешение на пребывание в стране (из них 9 323 чел. находились в Варне без разрешения властей), к ним надо добавить небольшие группы, приехавшие в Болгарию из Греции, Турции и других стран. Также П. Панайотов считает необходимым учитывать 5 тыс. военнопленных, оказавшихся на территории страны после окончания Первой мировой войны (по данным Центрального государственного исторического архива Болгарии), и таким образом появляется цифра в 50 тыс. русских подданных, находившихся в Болгарии после 1922 г. [Панайотов, с. 39]¹.

Большинство современных исследователей скептически относятся к приведенным цифрам, несмотря на то, что данные имеют, казалось бы, документальное подтверждение [Йованович, с. 113, 124]. Следует иметь в виду, что зафиксированные заявления русских беженцев о приеме и реальный результат – разные вещи. Болгария из Первой мировой войны вышла проигравшей. Нейский мир называли национальной катастрофой, поэтому правительство в надежде заручиться поддержкой Лиги Наций как международного арбитра стремилось подчеркнуть, что Болгария движется в фарватере мировой политики, настроена лояльно в отношении беженцев и национальных меньшинств.

30 ноября 1921 г. был учрежден Комитет по делам русских беженцев в Болгарии при отделе исповеданий Министерства иностранных дел, который занимался проблемами русских эмигрантов вплоть до февраля 1945 г. Информация о расселении и, кроме того, о регистрации русских беженцев содержится в полицейских отчетах. Эти документы, введенные в научный оборот в 1997 г. Дончо Даскаловым [Даскалов, 1997], впоследствии были критически проанализированы болгарским историком Цветаной Кёсевой. В частности, ею был выявлен в Центральном государственном архиве Болгарии полицейский отчет 1930-х гг., согласно которому в 1921–1922 гг. страна приняла 45 тыс. русских беженцев [Кёсева, с. 56]. Она считает эту цифру завышенной, потому что документ, в котором она указана, предназначался для Лиги Наций, и его целью было подчеркнуть вклад Болгарии в прием и устройство русских эмигрантов [Там же]. Несмотря на это возражение, указанная цифра со ссылкой на тот же

¹ П. Панайотов при определении численности русской эмиграции использует маркер подданства, он берет в расчет граждан Российской империи.

источник по-прежнему приводится в последующих научных исследованиях как заслуживающая доверия [Мангачев, т. 1, с. 5–20].

Источниковую базу исследования Д. Даскалова составили не только материалы болгарских архивохранилищ, но и опубликованные эмигрантские источники (газеты, журналы, мемуары) и статистические ежегодники. На численные данные, приведенные Д. Даскаловым, ссылаются и современные исследователи истории русской эмиграции (Л. Спасов, Ц. Кёсева, М. Йованович, П. Пейковска и др.). Например, автор отмечает, что в сообщении Нансеновскому комитету первого комиссара по вопросам русских беженцев в Болгарии епископа Стефана указано, что к 1 февраля 1922 г. при Русском обществе Красного Креста зарегистрировано всего 31 744 чел. При этом особо подчеркивалось, что в данный список не включены лица, пользующиеся поддержкой военных организаций, а также те, кто не нуждаются в постоянной помощи [Даскалов, 1997, с. 24]. В прил. 1 к статье дается сводная таблица численности русских эмигрантов на конец 1921 – начало 1922 г. со ссылкой на материалы Генерального штаба, отложившиеся в Центральном военном архиве, в которых общее число русских беженцев оценивается в 36 141 чел. [Там же, с. 139]. В прил. 3 представлена таблица по местам расселения русских беженцев на февраль 1922 г. по данным Союза возвращения на родину (Совнарода), в общем итоге фигурирует цифра в 31 665 чел. [Там же, с. 141–143]. В прил. 9 публикуются извлечения из доклада службы полиции от 1934 г., где число русских беженцев в Болгарии оценивается уже в 20 008 чел. [Там же, с. 148–149]. В итоге за последовавшее за исходом десятилетие численность российских эмигрантов, оказывается, сократилась более чем на треть. Возможно ли было объяснить это резкое сокращение только процессами реэмиграции, отрицательным приростом населения среди беженцев, а также их репатриацией? Насколько успешной была ассимиляция, или ее не было вовсе?

Проблема репатриации в Россию затронута в трудах болгарских историков Д. Даскалова, Л. Спасова, Ц. Кёсевой. Им убедительно удалось показать, что распространявшееся в эмигрантской печати 1920-х гг. утверждение о том, что желающих возвращаться на родину были единицы, миф. В Болгарии с самого начала пребывания там русских широко развернулось движение за возвращение домой при поддержке советской миссии, Союза возвращения на родину и болгарских коммунистов. Ссылаясь на данные советской миссии Красного Креста в Болгарии, выдававшей визы, и на сведения Совнарода, отложившиеся в Центральном государственном историческом архиве Болгарии, Л. Спасов утверждает, что из пребывавших в Болгарии более 32 тыс. русских беженцев 18 тыс. были членами Совнарода [Спасов, 1999, с. 189]. По сведениям Д. Даскалова, в начале 1920-х гг. из Болгарии на родину вернулись 25 % всех находившихся там россиян [Даскалов, 1997, с. 65]. Л. Спасов приводит цифры – более 11 тыс. чел. (с мая 1922 по июль 1923 г.), при этом около 4 тыс. – русские беженцы из соседних Югославии, Румынии, Греции, Италии [Спасов, 1999, с. 200–204].

В официальных сведениях апеллировали к маркеру подданства. После свертывания программы репатриации и лишения российского гражданства большей части русской эмиграции основным документом для регистрации русских беженцев стал нансеновский паспорт, закреплявший статус апатрида. Это должно было облегчить подсчет русских эмигрантов, но в их самоопределении этот маркер никогда не был решающим.

Современные исследователи обращаются к анализу статистических ежегодников и переписей населения. Подробный историко-социологический портрет русской эмиграции в Болгарии в межвоенный период на основе данных документов проведен в работах П. Пейковской [Пейковска, 2014а, 2014б, 2015, 2016, 2017]. В своих публикациях она неоднократно ссылается на сербского коллегу М. Йовановича, что вызывает необходимость обзора монографии «Русская эмиграция на Балканах 1920–1940» [Йованович].

В основу этого труда легла кропотливая многолетняя работа автора, которая стала возможна благодаря тесному взаимодействию с коллегами из России, Болгарии, Сербии. Портрет русской эмиграции в Болгарии помогали создавать сотрудники Софийского и Велико-Тырновского университетов, Центрального государственного архива и других научных учреждений Болгарии. Монография получила высокую оценку специалистов [Дни и книги Анны Кузнецовой; Борисов; Мартынов; Косик]. Особенно следует отметить тот факт, что это первая работа, в которой на базе статистических ежегодников дается коллективный портрет русской эмиграции в различных балканских странах. Но как выявить русского эмигранта в этих документах? Отдельный графы «Русский эмигрант» в анкете не было. Согласно официальным статистическим данным за 1920 г., 9 247 чел. в Болгарии назвали своим родным языком русский. Эту цифру автор пытается проверить по другим источникам. Так, в отчете Международного бюро труда, который также приводит М. Йованович, упоминается, что после поражения армии А. И. Деникина зимой и весной 1920 г. Болгария приняла 8 640 чел. [Йованович, с. 114]. При этом, по данным Русского Красного Креста, из беженцев, эвакуированных из России с января по апрель 1920 г., на 1 июля 1920 г. в Болгарии находился 4 081 чел. [Там же]. А до этой эвакуации в стране на 1919 г. уже находились порядка 4,5–5 тыс. русских (по данным Бюро русских военнопленных, которые приводит П. Панайотов и которым доверяет М. Йованович) [Там же, с. 113]. Таким образом удалось верифицировать численный показатель по сведениям, почерпнутым из разных источников. Выходит, что русский язык – не менее важный маркер русской самоидентификации эмигранта, чем подданство.

При характеристике численности русской эмиграции в Болгарии в 1926 г. М. Йованович обратился к меморандуму по беженскому вопросу, составленному Ф. Нансеном и представленному на межправительственной конференции Лиги Наций в мае 1926 г. Меморандум отложился в РГВА и в ГАРФ, составлялся он на базе статистических материалов, и в нем фигурируют данные о 28 340 русских беженцах

[РГВА. Ф. 1385к. Оп. 1. Ед. хр. 109; ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 48; Йованович, с. 121]. В середине 1930-х гг. их количество в Болгарии достигало, по данным М. Йовановича, опять же со ссылкой на статистические ежегодники, 21 722 чел. (с тем, что в их число были включены и армянские беженцы из Турции) [Йованович, с. 121].

П. Пейковска использовала в своих исследованиях данные переписей населения Болгарии за 1920 и 1926 гг. Они обладают теми же ограничениями, что и статистические ежегодники: отдельного учета русских эмигрантов как таковых они не ведут (только в общей графе «Беженцы»). Вместо этого были графы «Место рождения», «Национальность», «Подданство» («Гражданство»), «Родной язык», «Вероисповедание». В 1920 г. российские подданные составляли 23 % всего иностранного населения в Болгарии, а в 1926 г. – 36 %. В количественном измерении в 1920 г. в Болгарии проживали 8 646 чел. с российским подданством, а в 1926 г. – 19 698 чел.; и, соответственно, 9 080 чел. русской национальности в 1920 г. и 19 706 чел. в 1926 г. [Пейковска, 2014а, с. 119].

Приведенные данные в корне отличаются от тех цифр, что встречаются в болгарской научной литературе, и причину таких расхождений еще предстоит выяснить. В частности, беря за основу маркер национальности, мы теряем в подсчете представителей других национальностей, которые ощущали себя частью русской диаспоры (например, евреев), а если учитываем подданство, то теряем тех, кто уже мог натурализоваться, но не ассимилировался и продолжал сохранять свою русскость. Получается, что ни один из маркеров не является решающим, действуя в совокупности. Возможно, именно отсутствием понимания термина «русский эмигрант» и объясняется волюнтаризм при выборе тех или иных данных учеными для количественной характеристики русской эмиграции. Более того, наблюдается смешение правовых и культурологических понятий – эмиграция как правовой статус и как культурное пространство. Так, казалось бы, узкий вопрос обнажил острую методологическую проблему в изучении феномена русского зарубежья, напрямую связанную с пониманием идентичности и процессами самоидентификации (табл. 5).

Таблица 5

**Сводные данные о численности русской эмиграции
в Болгарии в межвоенный период**

Источник	1920	1921/ 1922	1926	1934	Примечания
Полицейский отчет (маркер – подданство)	–	45 000	–	20 008	Документ для 1920-х гг. составлялся для Лиги Наций, очевидна заинтересованность властей в преувеличении данных
Генеральный штаб	–	36 141	–	–	Не учтены русские военнопленные Первой мировой войны

Окончание табл. 5

Источник	1920	1921/ 1922	1926	1934	Примечания
Русское общество Красного Креста	–	31 744	–	–	Зарегистрированы только нуждающиеся в помощи
Совнарод	–	31 665	24 744	–	Репатриировано более 11 тыс. беженцев из Болгарии и соседних государств
Статистика (маркер – язык)	9 247	–	28 340	21 722 (включая армянских беженцев)	Сложный подсчет, графы «Подданство», «Национальность», «Язык», «Вероисповедание», «Общее число беженцев»
Перепись населения (маркер – национальность)	9 080	–	19 706	–	Сложный подсчет, графы «Подданство», «Национальность», «Язык», «Вероисповедание», «Общее число беженцев»

Немаловажный источник учета русской диаспоры – списки захоронений русских эмигрантов в том или ином некрополе. Их можно использовать как статистические выборки, позволяющие учесть темпы смертности. Современными болгарскими исследователями Т. Пчелинцевой, К. Бендеревой и С. Рожковым была проведена работа в отношении русских кладбищ г. Софии и пригородов [Русский некрополь]. Они составили своеобразный биографический справочник по более чем 1,5 тыс. захоронений. Из тех, кто похоронен там в рассматриваемый нами период: 1926 г. – 13 имен, 1927 г. – 17, 1928 г. – 23, 1929 г. – 12, 1930 г. – 13, 1931 г. – 28, 1932 г. – 26, 1933 г. – 22, 1934 г. – 36. Согласно переписи населения 1926 г., русское население округа София составляло: по национальности – 5 966 чел., по подданству – 6 267 чел. Разница в 301 чел. приходится на евреев, рожденных на территориях Европейской России, Бессарабии и Северной Буковины. Городское население при этом составляло 4 187 и 4 415 чел. соответственно [Общи резултати от преброяване, с. 56]. Воспользовавшись выборкой русского некрополя в Софии, выявим показатель смертности: 1926 г. – 2,7, а средний по периоду, хотя видно, что в 1930-е гг. смертность начинает расти, 4,4–5,0. Такой показатель считается достаточно низким. Но можно ли доверять такой небольшой выборке? Если смертность была низкой, а репатриация уже была свернута, остаются только два процесса, объясняющие дальнейшее сокращение русской диаспоры: реэмиграция в другие страны и ассимиляция. А между тем, по переписи населения 1934 г., русское население г. Софии выросло до 4 968 чел. (маркер – национальность), из них болгарское подданство приняли 1 819 чел., то есть 36 % [Преброяване на 31 декември 1934 г., с. 2–3].

Удивительно то, что если в отношении конкретной страны исследователи проводят взвешенный скрупулезный анализ, то общее количество русских эмигрантов, оказавшихся вне пределов России в послереволюционный период, остается вопросом спорным. Д. Даскалов придерживается данных об 1 млн 200 тыс., хотя и упоминает о существовании и другой цифры, широко распространенной в литературе, – 2 млн [Даскалов, 1997, с. 97]. Эта вторая цифра без всяких обоснований мелькает на страницах публикаций П. Пейковской и М. Йовановича [Пейковска, 2014а, с. 119; Йованович, с. 177]. Заметим, что и в российской историографии можно встретить оценку численности беженцев в 2 и даже 3 млн чел. [Пушкарева, с. 58; Марар, с. 3].

Остается недоумевать, почему современные исследователи не подвергают критическому анализу сведения об общей численности русской эмиграции 1920–1930-х гг. Сопоставление статистических данных позволит выявить реальные цифры, и тогда появится возможность более полно оценить деятельность российской эмиграции во всех ее проявлениях. Новые цифры дадут возможность пересмотреть темпы адаптации и натурализации, оценить политическую позицию по тем или иным вопросам (например, пропорции тех, кто поддержали фашизм, и тех, кто примкнули к партизанам) и т. д., а следовательно, историческая картина русско-болгарского взаимодействия получит более стереоскопическое изображение.

Список литературы

- Борисов В.* Русские на Балканах // Политический журнал. № 112. 2006. 15 мая.
- Велева М.* Руската университетска емиграция в България // Дарителите Евлогий и Христо Георгиеви. София : Лик, 1998. С. 235–260.
- Велева М. Н.* Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. София : Гутенберг, 2004. 163 с.
- Даскалов Д.* Издателската дейност на руските емигранти в България // Славяноведение. 1996. № 5. С. 84–97.
- Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. София : Университет. изд-во «Св. Климент Охридски», 1997. 182 с.
- Дертлиева-Киселинска А. Н. О.* Масалитинов и българският театър // Бялата емиграция и България. София : Гутенберг, 2001. С. 256–263.
- Димитров И. Ж.* Проф. Н. Н. Глубоковски и новозаветното богословие в България // Духовна култура. Т. 80. 2000. № 4. С. 3–8.
- Дни и книги Анны Кузнецовой // Знамя : [сайт]. 2006. № 7. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3028> (дата обращения: 19.06.2019).
- Илиев Е., Стоянова П.* «Политически опасни лица»: Въдворявания, трудова мобилизация, изселвания в България след 1944 г. София : Университет. изд-во «Св. Климент Охридски», 1991. 187 с.
- Йованович М.* Руската емиграция на Балканах: 1920–1940. М. : Б-ка-фонд «Рус. зарубежье» ; Рус. путь, 2005. 488 с.
- Каназирска М.* Руската емиграция в контекста на българската култура : О предпоставките на диалога // Славянска филология. София : Анупис, 1998. Т. 22. С. 186–199.
- Кёсева Ц.* България и руската емиграция : 1920–1950-е години. М. : Б-ка-фонд «Рус. зарубежье» ; Рус. путь, 2008. 310 с.
- Косик В. И. М. Йованович.* Руската емиграция на Балканах: 1920–1940 // Славяноведение. 2007. № 4. С. 85–88.

Кьосева Ц. Русские художники-эмигранты в Болгарии // Славяноведение. 1996. № 4. С. 11–23.

Кьосева Ц. Русские эмигрантские организации в Болгарии // Русские в Болгарии. София : Союз рус. инвалидов : Рус. фонд милосердия и культуры, 1999. С. 45–64.

Кьосева Ц. Руската емиграция в България (20-те – 50-те години на XX в.). София : Междунар. център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, 2002. 591 с.

Любенова Л. Подпомагане на Руската православна църква в годините на Втората световна война // «Погасло дневное светило...»: Руската литературна емиграция в България. 1919–1944. София : Проф. Марин Дринов, 2010. С. 403–425.

Мангачев П. Документална история на руските бежанци в България (1919–1944) : в 2 т. София : Колбис, 2015. Т. 1. 248 с. Т. 2. 199 с.

Марар О. И. История российской артистической эмиграции в славянских странах (1918–1939 годы): Чехословакия, Югославия, Болгария : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж : [Б. и.], 2000. 20 с.

Мартынов А. Между Харбином и Белградом // Новая газета. Прил. Ex libris : [сайт]. 2006. 8 июня. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2006-06-08/11_china.html (дата обращения: 19.06.2019).

Меморандум по беженским вопросам, представленный Нансеном Ф. Междуправительственной конференции, и сведения о количестве русских эмигрантов в разных странах, 1926 // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 5. Ед. хр. 1.

Михева Р., Грозев К., Рупчева Г. «Малката Русия» на жълтите павета. София : Камея Груп ЕООД, 2016. 246 с.

Общи резултати от преброяване на населението в Царство България на 31 декември 1926 г. Кн. 1. София : Главна дирекция на статистиката ; Държавна печатница, 1931. 303 с.

Панайотов П. Руските емигранти в България и движението сред тях за връщане в Съветска Русия (1920–1923 гг.) // Ист. преглед. 1963. № 5. С. 34–61.

Пейковска П. Преброяване, труд и общество: руската емиграция в България през 20-те години на XX в. Ч. 1 // Ист. преглед. 2014а. № 3–4. С. 119–144.

Пейковска П. Преброяване, труд и общество: руската емиграция в България през 20-те години на XX в. Ч. 2 // Ист. преглед. 2014б. № 5–6. С. 232–265.

Пейковска П. Брачност, брачна структура, смесени бракове сред русите в България през междувоенния период // Shared Pasts in Central and Southeast Europe, 17th–21st Centuries: Hungarian and Bulgarian Approaches / ed. by G. Demeter, P. Peykovska. Sofia ; Budapest : [S. n.], 2015. С. 228–255.

Пейковска П. Руская интеллигенция в Болгарии в 20-е годы XX в.: социально-профессиональная структура / пер. с болг. Н. С. Гусева // Историческая болгаристика : К 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2016. С. 270–284.

Пейковска П. Професионална реализация и социална интеграция на руската имигрантска интеллигенция в България през 20-те години на XX век // Известия на Института за исторически изследвания. 2017. № 1. С. 170–182.

Периодика на руската емиграция в България (1920–1943) : енциклопедичен справочник / отг. ред. Р. Русев. София : Боян Пенев, 2012. 764 с.

Петров М. А., Чакъров А. М. Създаване и развитие на българската хирургия до 1978. София : Коралов и сие, 2003. 171 с.

«Погасло дневное светило...»: Руската литературна емиграция в България. 1919–1944 / съст. и науч. ред. Р. Русев, Й. Люцканов, Х. Манолакев. София : Проф. Марин Дринов, 2010. 461 с.

Преброяване на 31 декември 1934 г. София. Население. София : Главна дирекция на статистиката ; Държавна печатница, 1936. 53 с.

Пушкарева Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отеч. ист. 1996. № 1. С. 53–58.

Рожков С., Минкова М. Современные средства массовой информации русского

зарубежъя в Болгарии // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность / сост. С. А. Рожков. София : Рус. акад. союз в Болгарии, 2009. С. 114–119.

Рожков С. Современные организации российских соотечественников в Болгарии // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность / сост. С. А. Рожков. София : Рус. акад. союз в Болгарии, 2009. С. 208–217.

Русский некрополь в Софии / авт.-сост. Т. К. Пчелинцева, К. Д. Бендерова ; сост. С. А. Рожков, В. П. Гаристов. М. : Минувшее, 2011. 400 с.

Русское зарубежье в Болгарии: история и современность / сост. С. А. Рожков. София : Рус. акад. союз в Болгарии, 2009. 318 с.

Спасов Л. Й. Врангеловата армия в България 1919–1923 г. София : Университет. изд-во «Св. Климент Охридски», 1999. 244 с

Спасов Л. Й. България и СССР. 1917–1944 г. : (Политико-дипломатически отношения). Велико Търново : Фабер, 2008. 550 с.

Ходкевич Л. Е. Все едно, че не сме част от българското общество : Разговор с представител на Съюза на рус. белогвардци и техните потомци в България / Разговора води Евгения Матеина // Етнорепортер. 2000. № 5. С. 43–44.

Memorandum soumis à la Conference intergouvernale pour la question des réfugiés à Genève 10–11 V 1926. Informations statistiques concernant réfugiés // РГВА. Ф. 1385к. Оп. 1. Ед. хр. 109.

References

Borisov, V. (2006). Russkie na Balkanakh [Russians in the Balkans]. In *Politicheskii zhurnal*. No. 112. 15 May.

Daskalov, D. (1996). Izdatel'skaya deyatel'nost' russkikh emigrantov v Bolgarii [Publishing Activity of Russian Émigrés in Bulgaria]. In *Slavyanovedenie*. No. 5, pp. 84–97.

Daskalov, D. (1997). *Byalata emigratsiya v B"lgariya* [White Emigration in Bulgaria]. Sofia, Universitetskato izdatelstvo "Sveti Kliment Okhridski". 182 p.

Dertlieva-Kiselinovska, A. (2001). N. O. Masalitinov i b"lgarskiyat teat'r [N. O. Masalitinov and the Bulgarian Theatre]. In *Byalata emigratsiya v B"lgariya*. Sofia, Gutenberg, pp. 256–263.

Dimitrov, I. Zh. (2000). Profesor N. N. Glubokovski i novozavetnoto bogoslovie v B"lgariya [Professor N. N. Glubokovsky and New Testament Theology in Bulgaria]. In *Dukhovna kultura*. Vol. 80. No. 4, pp. 3–8.

Dni i knigi Anny Kuznetsovoi [Days and Books of Anna Kuznetsova]. (2006). In *Znanya* [website]. No. 7. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3028> (mode of access: 19.06.2019).

Iliev, E., Stoyanova, P. (1991). "Politicheski opasni litsa": V"dvoryavaniya, trudova mobilizatsiya, izselvaniya v Bylgariya sled 1944 g. ["Politically Dangerous Persons": Deportations, Labour Mobilisation and Evictions in Bulgaria after 1944]. Sofia, Universitetsko izdatelstvo "Sveti Kliment Okhridski". 187 p.

Iovanovich, M. (2005). *Russkaya emigratsiya na Balkanakh: 1920–1940* [Russian Emigration in the Balkans: 1920–1940]. Moscow, Biblioteka-fond "Russkoe Zarubezh'e", Russkii put'. 488 p.

Kanazirska, M. (1998). Russkaya emigratsiya v kontekste bolgarskoi kul'tury. O predposylkakh dialoga [Russian Emigration in the Context of Bulgarian Culture. On the Prerequisites for Dialogue]. In *Slavyanska filologiya*. Sofia, Anubis. Vol. 22, pp. 186–199.

Keseva, Ts. (1996). Russkie khudozhniki-emigranty v Bolgarii [Russian Émigré Painters in Bulgaria]. In *Slavyanovedenie*. No. 4, pp. 11–23.

Keseva, Ts. (1999). Russkie emigrantskie organizatsii v Bolgarii [Russian Émigré Organisations in Bulgaria]. In *Russkie v Bolgarii*. Sofia, Soyuz russkikh invalidov, Russkii fond miloserdiya i kul'tury, pp. 45–64.

Keseva, Ts. (2002). *Ruskata emigratsiya v B"lgariya (20-te – 50-te godini na XX v.)* [The Russian Emigration in Bulgaria (1920s–1950s)]. Sofia, Mezhdunarodny tsent'r po problemite na maltsinstvata i kulturnite vzaimodeistviya. 591 p.

Keseva, Ts. (2008). *Bolgariya i russkaya emigratsiya. 1920–1950-e gody*. [Bulgaria and Russian Emigration. 1920s–1950s]. Moscow, Biblioteka-fond “Russkoe Zarubezh'e”, Russkii put'. 310 p.

Khodkevich, L. E. (2000). Vse edno, che ne sme chast ot b"lgarskoto obshchestvo. Razgovor s predstavitelem na S"yuza na ruskite belogvardetsi i tekhnite potomtsi v Bylgariya [As If We Are Not Part of Bulgarian Society: A Conversation with the Head of the Union of Russian White Guards and Their Descendants in Bulgaria] / Interview by E. Matein. In *Etnoreporter*. No. 5, pp. 43–44.

Kosik, V. I. (2007). M. Iovanovich. Russkaya emigratsiya na Balkanakh: 1920–1940 [M. Iovanovich. The Russian Emigration in the Balkans: 1920–1940]. In *Slavyanovedenie*. No. 4, pp. 85–88.

Lyubenova, L. (2010). Podpomagane na Ruskata pravoslavna ts"rkva v godinite na Vtorata svetovna voina [The Support of the Russian Orthodox Church during the Second World War]. In “*Pogasló dneвноe svetilo...*” *Ruskata literaturna emigratsiya v Bylgariya. 1919–1944*. Sofia, Profesor Marin Drinov, pp. 403–425.

Mangachev, P. (2015). *Dokumentalna istoriya na ruskite bezhantsi v B"lgariya (1919–1944) v 2 t.* [The Documentary History of Russian Refugees in Bulgaria (1919–1944). 2 Vols.]. Sofia, Kolbis. Vol. 1. 248 p. Vol. 2. 199 p.

Marar, O. I. (2000). *Istoriya rossiiskoi artisticheskoi emigratsii v slavyanskikh stranakh (1918–1939 gody): Chekhoslovakiya, Yugoslaviya, Bolgariya* [The History of the Russian Artistic Emigration in the Slavic Countries (1918–1939): Czechoslovakia, Yugoslavia, Bulgaria]. Avtoref. dis... kand. ist. nauk. Voronezh, S. n. 20 p.

Martynov, A. (2006). Mezhdú Kharbinom i Belgradom [Between Kharbin and Belgrade]. In *Novaya gazeta. Ex libris supplement* [website]. 8 June. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2006-06-08/11_china.html (mode of access: 19.06.2019).

Memorandum po bezhenskim voprosam, predstavlennyi Nansenom F. Mezhdupravitel'stvennoi konferentsii, i svedeniya o kolichestve russkikh emigrantov v raznykh stranakh, 1926 [Memorandum on Refugee Issues Submitted by F. Nansen to the Intergovernmental Conference, and Information on the Number of Russian Emigrants in Different Countries, 1926]. (N. d.). In *GARF* [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-5764. List 5. Dos. 1.

Memorandum soumis á la Conference intergouvernale pour la question des réfugiés á Genève 10–11 V 1926. Informations statistiques concernent réfugiés. In *RGVA* [Russian State Military Archive]. Stock 1385k. List 1. Dos. 109.

Mikhneva, R., Grozev, K., Rupcheva, G. (2016). “*Malkata Rusiya*” na zh"ltite paveta [“Little Russia” on the Yellow Pavestone]. Sofia, Kameya Group EOOD. 246 p.

Obshchi rezultati ot prebroyavane na naselenieto v Tsarstvo B"lgariya na 31 dekemvri 1926 g. [The General Results of the Population Census of the Kingdom of Bulgaria of 31 December 1926]. (1931). Sofia, Glavna direktsiya na statistikata, D"rzhavna pechatnitsa. Book 1. 303 p.

Panaiotov, P. (1963). Russkite emigranti v B"lgariya i dvizhenieto sred tyakh za vr"shchane v S"vetska Rusiya (1920–1923 gg.) [Russian Émigrés in Bulgaria and the Movement for Return to Soviet Russia among Them (1920–1923)]. In *Istorieski pregled*. No. 5, pp. 34–61.

Pchelintseva, T. K., Bendereva, K. D., Rozhkov, S. A., Garistov, V. P. (Eds.). (2011). *Russkii nekropol' v Sofii* [The Russian Necropolis in Sofia]. Moscow, Minuvshee. 400 p.

Petrov, M. A., Chak"rov, A. M. (2003). *S"zdavane i razvitie na b"lgarskata khirurgiya do 1978* [The Establishment and Development of Bulgarian Surgery before 1978]. Sofia, Koralov i sie. 171 p.

Peykovska, P. (2014a). Prebroyavane, trud i obshchestvo: ruskata emigratsiya v B"lgariya prez 20-te godini na XX v. Ch. 1 [Population Census, Labour and Society: Russian Emigration in Bulgaria in the 1920s. Part 1]. In *Istorieski pregled*. No. 3–4, pp. 119–144.

Peykovska, P. (2014b). Prebroyavane, trud i obshchestvo: ruskata emigratsiya v B"lgariya prez 20-te godini na XX v. Ch. 2 [Population Census, Labour and Society:

Russian Emigration in Bulgaria in the 1920s. Part 2]. In *Istoricheski pregled*. No. 5–6, pp. 232–265.

Peykovska, P. (2015). Brachnost, brachna struktura, smeseni brakove sred rusite v B'lgariya prez mezhduvoenniya period [Conjugality, Conjugal Structure, and Mixed Marriages among Russians in Bulgaria in the Interwar Period]. In Demeter, G., Peykovska, P. (Eds.). *Shared Pasts in Central and Southeast Europe, 17th–21st Centuries: Hungarian and Bulgarian Approaches*. Sofia, Budapest, S. n., pp. 228–255.

Peykovska, P. (2016). Russkaya intelligentsiya v Bolgarii v 20-e gody XX v.: sotsial'no-professional'naya struktura [Russian Intellectuals in Bulgaria in the 1920s: Social and Professional Structure] / transl. by N. S. Gusev. In *Istoricheskaya bolgaristika. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora L. B. Valeva*. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 270–284.

Peykovska, P. (2017). Profesionalna realizatsiya i sotsialna integratsiya na ruskata imigrantska inteligentsiya v B'lgariya prez 20-te godini na XX vek [Professional Realisation and Social Integration of Russian Immigrant Intellectuals in Bulgaria in the 1920s]. In *Izvestiya na Instituta za istoricheski izsledvaniya*. No. 1, pp. 170–182.

Prebroyavane na 31 dekemvrii 1934 g. Sofia. Naselenie [The Population Census on 31 December 1934. Sofia. Population]. (1936). Sofia, Glavna direktsiya na statistikata, D'rzhavna pechatnitsa. 53 p.

Pushkareva, N. L. (1996). Vozniknovenie i formirovanie rossiiskoi diaspory za rubezhom [The Emergence and Formation of the Russian Diaspora Abroad]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 1, pp. 53–58.

Rozhkov, S. (2009). Sovremennye organizatsii rossiiskikh sootchestvennikov v Bolgarii [Contemporary Organisations of Russian Compatriots in Bulgaria]. In Rozhkov, S. (Ed.). *Russkoe zarubezh'e v Bolgarii: istoriya i sovremennost'*. Sofia, Russkii akademicheskii soyuz v Bolgarii, pp. 208–217.

Rozhkov, S. (Ed.). (2009). *Russkoe zarubezh'e v Bolgarii: istoriya i sovremennost'* [Russian Abroad in Bulgaria: History and Present]. Sofia, Russkii akademicheskii soyuz v Bolgarii. 318 p.

Rozhkov, S., Minkova, M. (2009). Sovremennye sredstva massovoi informatsii russkogo zarubezh'ya v Bolgarii [The Modern Mass Media of the Russian Abroad in Bulgaria]. In Rozhkov, S. (Ed.). *Russkoe zarubezh'e v Bolgarii: istoriya i sovremennost'*. Sofia, Russkii akademicheskii soyuz v Bolgarii, pp. 114–119.

Rusev, R. (Ed.). (2012). *Periodika na ruskata emigratsiya v B'lgariya (1920–1943): entsiklopedichen spravochnik* [The Periodical Press of the Russian Emigration in Bulgaria (1920–1943)]. Sofia, Boyan Penev. 764 p.

Rusev, R., Lyutskanov, J., Manolakev, Kh. (Eds.). (2010). *“Pogaslno dnevnoe svetilo...”*. *Ruskata literaturna emigratsiya v B'lgariya. 1919–1944* [“The Star of the Day Has Declined...”]. Russian Literary Emigration in Bulgaria. 1919–1944]. Sofia, Profesor Marin Drinov. 461 p.

Spasov, L. I. (1999). *Vrangelovata armiya v B'lgariya 1919–1923 g.* [The Wrangel Army in Bulgaria, 1919–1923]. Sofia, Universitetskoto izdatelstvo "Sveti Kliment Ohridski". 244 p.

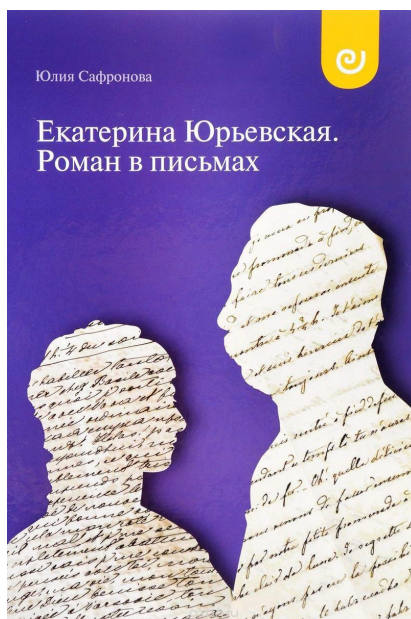
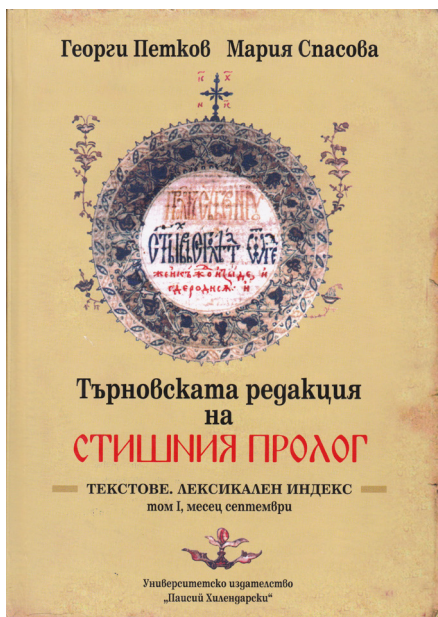
Spasov, L. I. (2008). *B'lgariya i SSSR. 1917–1944 g. (Politiko-diplomaticheski otnosheniya)* [Bulgaria and the USSR. 1917–1944. (Political and Diplomatic Relations)]. Veliko T'rnovo, Faber. 550 p.

Veleva, M. (1998). Ruskata universitetska emigratsiya v B'lgariya [Russian University Emigration in Bulgaria]. In *Daritelete Evlogii i Khristo Georgievi*. Sofia, Lik, pp. 235–260.

Veleva, M. N. (2004). *B'lgarskata s'dba na profesora P. M. Bizilli* [The Bulgarian Path of Professor P. M. Bizilli]. Sofia, Gutenberg. 163 p.

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensione